

Папченко Елена Викторовна

**СТАНОВЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЧУВСТВЕННОСТИ КАК ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В
АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/16.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 45-47. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Когда сюрреализм – это не только живопись, а танец больше чем вид искусства, вскрывается идея поиска духовной истины, поиска жизни ради самой жизни. В этом вопросе бытийности человека особое место занимает танец, но не как вид искусства, а как танец, в котором человек живет (не работает, не трудится, не занимается спортом), а живет своей естественной жизнью, той, к которой предназначен. Нет ничего удивительного, что энергично танцующий человек не устает. В этот момент в нем нет отдельно души, тела, разума, он просто живет в переживании радости. Если танец – это живая картина, то, скорее всего, картина сюрреалиста, который ищет подлинность бытия, провозглашая свободу, интуицию, силу подсознания. Не случайно у Ницше только танцующий способен стать сверх-человеком, причем танцующий не в антропологической сфере, а на той границе, где антропология пересекается с онтологией, танцующий как подающие снежинки, кружащиеся в вихре ветра, как языки пламени, как листопад, чувствуя свободу по ту сторону морали, закона, культурных традиций и социальных норм. Аналогичный аспект антропологической онтологии в отношении танца наблюдается и у Хёйзинги, который семантически отождествлял два, казалось бы разных понятия: танец и игра. Сюрреалистический метод тоже своего рода игра, игра с пространством со времени с реальностью сознания и подсознания. В танце человек тогда оживает, когда дух единится с пространством, когда есть харизма, грация, радость как дар. «Быть радостным – необходимость и долг – пишет Гарсиа Лорка. – И это я говорю тебе сейчас, когда мне особенно тяжело. Но даже если вечно будут мучить меня любовь, люди, устройство мира, я ни за что не откажусь от моего закона – радости» [3, с. 7]. Танец сюрреализма настолько выходит за рамки эстетической и антропологической сферы, что Ф. Ницше мог написать: «О высшие люди, ваше худшее в том, что все вы не научились танцевать, как нужно танцевать, танцевать поверх себя!»

Список литературы

1. Дали С. Дневник одного гения [Электронный ресурс]. URL: http://philologos.narod.ru/http/dali/book1_1.htm (дата обращения: 30.11.2009).
2. Дмитриева Н. А. Краткая история искусств. М.: АСТ-ПРЕСС; Галарт, 2000. 624 с.
3. Лорка Г. Избранное. М., 1987. 386 с.
4. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992. 58 с.
5. Пасютинская В. М. Волшебный мир танца: кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1985. 223 с.

УДК 159.922.23

Елена Викторовна Папченко

Технологический институт Южного федерального университета

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЧУВСТВЕННОСТИ КАК ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ[©]

Начиная с древнейших времен чувственность (цветовое зрение, слух, обоняние и пр.) занимает важное место в жизни человека: является для человека средством коммуникации, средством познания мира, оказывает влияние на мироощущение, воздействует на настроение, вызывает эмоции и воспоминания и пр. О значимости сенсорной культуры человека пишет А. И. Костяев, отмечающий, что данный язык «призван обеспечить полноту связи человека с миром».

Попытки понять и изучить природу чувственности предпринимались задолго до нашего времени. Так, уже в эпоху античности наряду с сохраняющимся отношением к чувственности, как религиозно-мистическому, магическому символу, возникают зачатки естественнонаучного отношения. По-разному понимая саму действительность и роль чувственных восприятий в ее познании, античные мыслители различно решали соответственно и проблему их адекватности. Анализ трудов Алкмеона, Демокрита, Пифагора, Платона, Аристотеля, Феофраста и других, посвященных исследованию чувственности, показывает, что в античной науке и философии впервые ставится данная проблематика. При этом чувственность рассматривается как источник знаний о мире. В тоже время в работах античных мыслителей мы видим деление чувственного на виды – зрение, слух, обоняние, вкус, осязание.

Как справедливо отмечает П. П. Гайденок, «специфическое понимание зрения и его роли в познании, особое отношение между зрением и мышлением – важная и характерная черта античной науки». Так, *зрение* в качестве ощущения ставится Платоном выше других ощущений – слуха, осязания, вкуса, обоняния. О цвете Платон пишет: «Теперь остался только четвертый тип ощущений, но он являет большое многообразие, требующее расчлененного подхода. Многообразие это имеет общее имя цвета: а цвет – это пламя, струящееся от каждого отдельного тела и состоящее из частиц, соразмерных способности нашего зрения ощущать» [3, с. 473].

Общей тенденцией, характерной для античности, является то, что чувственность рассматривается в первую очередь не в социокультурном, а в естественнонаучном аспекте. Исследование визуальной культуры, проведенное В. М. Розиным, показало, что чувственность определяется не только физиологическими особенностями строения глаза, а культурно обусловлена. Об этом свидетельствует и формирование цветовой лексики, которая «должна отражать не только анатомическую структуру цветового анализатора, но и в первую очередь – эволюцию культуры, этапы развития человеческого сознания» [5, с. 163]. Филологами и лингвистами установлено, что еще в эпоху Гомера в греческом языке имелось максимум три основных термина: для обозначения черного, белого и красного. К. Роу [4, с. 43] приводит данные, позволяющие сделать вывод, что столько же их было и в словаре Платона, однако в течение двух тысяч лет цветовой словарь довольно быстро стал расширяться.

Цветонаименования, по мнению А. П. Василевич, С. Н. Кузнецовой, С. С. Мищенко, являются наиболее популярной у исследователей лексической группой [2, с. 7]. Исследовав десятки языков, лингвисты выявили ряд универсальных черт в развитии систем цветообозначения. Исследования Берлина и Кея показали, что все современные языки на древних этапах своего развития включали всего два слова, отражающие все многообразие цвета: одним словом обозначались все темные цвета, другим – светлые. В ходе эволюции к двум понятиям присоединяется третье – «красный», на третьей стадии язык обретает слово, которое означает одновременно «синий» и «зеленый». С переходом от одной стадии к другой на смену слов, обозначающих самый широкий цветовой спектр, приходили новые термины, выражающие более тонкие оттенки цвета.

К. Роу приходит к выводу: «Изменение сущности греческой терминологии цвета – это не просто лингвистический феномен, а воплощение изменений самого типа чувствительности. Точно также как мы, читая Гомера, должны учитывать иные, чем наши, нравственные ценности, так мы должны перестроиться и на довольно отличный тип осмысления и восприятия видимого мира» [4, с. 43].

Анализируя слух, как один из видов чувственного, следует учитывать, как справедливо указывает С. Левин, огромную роль музыки в общественной жизни Древней Греции: ей приписывались магические и врачебные функции, она трактовалась как средство воздействия не только на психическое, но и на физиологическое состояние человека. Платон считал, что музыка составляет основу государственного устройства – чем лучше музыка, тем лучше и государство. Создателями учения о музыке были величайшие мыслители античности: Пифагор, Платон, Аристотель, Дамон, Филолай, Аристоксен. В исследованиях Пифагора и его последователей музыка занимала первое место. Не умея еще определять колебания, лежащие в основе каждого отдельного звука, он все же измерением вещественной причины звука – колеблющейся струны – подчинил строгому закону то, что до этого казалось совершенно неуловимым.

Пифагор открыл законы гармонии и гармонические отношения между звуками. Он полагал, что музыка во многом содействует здоровью, если пользоваться ею в соответствии со свойствами ладов.

Как было показано В. Гулимовой, чем лучше человечество осознавало значение *обоняния*, тем чаще становились попытки его исследования. В философской поэме античный материалист Лукреций Кар объясняет: «Далее, запахи мы обоняем различного рода, / Хоть и не видим совсем, как в ноздри они проникают» (I, 290-300). «Обонятельные» воззрения античности разительно отличались от современных. В рассматриваемый период считалось, что запахи воспринимаются не чувствительными клетками в органе обоняния, а непосредственно мозгом. Согласно гипотезе Алкмеона, роль органа обоняния заключается во втягивании пахучих веществ в мозг, аналогично тому, как зрение является результатом прохождения огня через глаз. С точки зрения Платона запах – это «ощущение, нисходящее от сосудов в ноздрях к окологлоточной области», а процесс обоняния осуществляется благодаря тому, что «ноздри имеют способность, состоящую в восприятии запахов». Всякий запах плотнее воздуха, но тоньше воды, потому что пахучим веществом является то, которое находится в переходном состоянии и сохраняет свойства одинаковые и для воздуха, и для воды (пар, туман), а состояние перехода воды в воздух и наоборот воспринимается обонянием.

Аристотель сделал огромный шаг, полагая, что обонятельные рецепторы расположены внутри органа обоняния и проводя аналогии между обонянием и вкусом. Аристотель считал обонятельные ощущения менее определенными, нежели вкусовые, но при этом отмечал, что некоторые запахи соответствуют вкусовым качествам. Более того, «не всякое тело способно испытывать что-то от запаха..., а то, что испытывает воздействие, есть нечто неопределенное и неустойчивое, например воздух: ведь воздух, становясь пахучим, как бы испытывает какое-то воздействие. Что же другое значит обонять, как не испытывать что-то? Но обонять – значит ощущать, а воздух, испытывая воздействие, тот час же становится ощущаемым» [1, с. 423]. «Для запаха среда не имеет названия: имеется во всяком случае некоторое свойство, общее воздуху и воде; как прозрачное для цвета, так и это свойство, присущее воздуху и воде, есть среда для того, что обладает запахом. В самом деле, и у обитающих в воде животных есть, очевидно, чувство обоняния» [Там же, с. 411]. Уже в античности пытались создать классификацию запахов по воздействию на чувства, по тому, как воспринимаются запахи, какие они вызывают эмоции. Хотя изучением запаха философы занялись еще на первых этапах развития философии, многообразие пахучих веществ не позволило до настоящего времени составить их единую классификацию.

Таким образом, в эпоху античности происходит становление проблемы чувственного, однако наблюдается расхождение опытных исследований и философских проблем.

Несмотря на то, что становление проблемы чувственности как философской проблемы началось уже в античной культуре, тем не менее, одной из актуальных проблем современной науки является исследование чувственности. Об этом свидетельствует уже тот факт, что само определение чувственности либо отсутствует во многих словарях, либо отождествляется с чувствительностью. Одна из наиболее распространенных трактовок понимает под чувственностью «способность к чувственному восприятию». Однако ни одно определение не учитывает того, что, анализируя чувственность нужно иметь в виду, что психофизиологические процессы протекают и зависят от социокультурного контекста. Например, сегодня составляются атласы, насчитывающие тысячи цветовых тонов, хотя строение глаза и биохимия сетчатки не изменились за период развития цивилизации, в тоже время число различаемых цветовых оттенков возросло. Также и запах не просто биологическое и психологическое явление. Ведь, как указывают К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнотт, «запах – феномен культурный, а значит социально-исторический. Запахи наделены культурно релевантными значениями и участвуют в общественной жизни в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним». К исследованиям, рассматривающим запах как часть бытия человека, можно отнести и работу А. И. Костяева, где он указывает, что «необходимо рассматривать осмысление запахов в ракурсе культурной эволюции человека».

Список литературы

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 552 с.
2. **Васильев А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.** Цвет и названия в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
3. **Платон.** Тимей // Филеб, Государство, Тимей, Критий. М.: Мысль, 1999. 656 с.
4. **Рой К.** Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире // Психология цвета: сб. М.: Рефл-бук; Киев: Вакле, 1996. № 7. С. 46.
5. **Янышин П. В.** Психосемантика цвета. СПб.: Речь, 2006. 368 с.

УДК 17

Галина Васильевна Патракова

Тюменский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ И СОБЫТИЙНЫЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ[©]

Философские проблемы управления являются одними из наиболее перспективных в современной философии. Это связано с тем, что в современном обществе управление превратилось в самостоятельный феномен культуры, независимый от отношений власти, которым раньше управление полностью подчинялось. Мало того, в современном обществе управление стало самостоятельным видом деятельности, появилась наука об управлении, а соответственно и понятие о "профессиональном управлении". Все это не могло не вызвать к жизни соответствующие философские исследования.

Кроме того, с управлением произошли весьма значительные трансформации, связанные со становлением информационного, общества, глобализацией, демократизацией и либерализацией общественной жизни. В результате традиционные органы власти были заменены выборными, а символическое пространство общества стало ареной реализации различных манипуляций, нацеленных на поддержание управленческих стратегий.

В итоге, сложилась ситуация, когда в обществе отсутствует монополия на управление, сосредоточенная в руках одного лица или группы лиц, и как следствие влиять на социум ради реализации собственных целей может сразу несколько субъектов, что в значительной мере предопределяет те ограничения, которые существуют для каждого для них в отдельности. А это, в свою очередь, привело к тому, что перспективные стратегии управления практически повсеместно были заменены на событийные.

Управленческое действие, нацеленное на достижение цели управления, может осуществляться в разное количество этапов, и здесь можно выделить два типа управленческих стратегий. Можно говорить о перспективной управленческой стратегии, когда это управленческое действие осуществляется посредством определенной последовательности управленческих шагов, каждый из которых является развитием предшествующего шага и позволяет осуществить последующий. В свою очередь может осуществляться и событийная стратегия управления, когда все управленческое действие сводится к одному шагу, в ходе которого субъект управления желает полностью достигнуть цели управления. Преобладание перспективных или событийных стратегий также зависит от социокультурной ситуации, т.е. возможностей субъекта и свойств объекта управления.